

- politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922. Princeton, 2002. P. 288–289.
- 8 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 633. Л. 4. В июне ЦК было принято решение о командировании в Саратов Крыленко для проведения процесса над меньшевиками, но из-за его болезни поездка была отложена и в итоге не состоялась.
  - 9 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.
  - 10 Известия Саратовского Губернского Исполнительного Комитета. 1921. 5 марта. № 50.
  - 11 См.: Известия... 1921, март. № 50, 51, 52, 58.
  - 12 Там же. № 50, 54.
  - 13 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 42. Л. 16.
  - 14 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 608. Л. 25.
  - 15 См.: Известия... 1921, апрель. № 88, 89, 90, 91.
  - 16 См.: Известия... 1921. 5 мая. № 97. Интересно, что в политической сводке Саргубчека есть замечание, что 60% избирателей уклонилось от голосования.
  - 17 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 18. Л. 1.
  - 18 Там же. Оп. 1. Д. 643. Л. 1.
  - 19 См.: Известия... 1921. 20 мая. № 110.
  - 20 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 717. Л. 9, 10, 24, 26.
  - 21 Там же. Д. 643. Л. 8.
  - 22 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 61.
  - 23 См.: Известия... 1921. 8 июня. № 126; 30 июня. № 143; 2 июля. № 144; 12 августа. № 180.
  - 24 Там же.
  - 25 См.: Гольц И. Указ. соч. С. 103–105.
  - 26 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 59.
  - 27 См.: Известия... 1921. 6 сент. № 200; 14 сент. № 207.
  - 28 Там же. 25 сент. № 217.
  - 29 Там же. 23, 24, 27 нояб. № 265, 266, 269.
  - 30 Там же. 1922, январь. № 5, 13.
  - 31 Там же. Май-июль. № 110, 128, 177.
  - 32 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 3. Д. 25. Л. 163 (об).
  - 33 См.: Известия... 1922. 15 окт. № 236.
  - 34 Там же. 18, 24 окт. № 238, 243.
  - 35 Там же. 1923, январь-март, № 8, 29, 59.
  - 36 Там же. 12 июня. № 129.
  - 37 См.: ГАНИСО. Ф. 51/95. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
  - 38 Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 40. Л. 13–13 (об).
  - 39 См.: Известия... 1923. 12 июля. № 155.
  - 40 См.: ГАНИСО. Ф. 151/95. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–2.
  - 41 Там же. Д. 121. Л. 5, 7, 11.
  - 42 Там же. Д. 117. Л. 5.
  - 43 Там же. Л. 12–13.
  - 44 Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 116. Л. 10–13, 15; Д. 117. Л. 17.

УДК 338.45(470.44)/(1941/1945)

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В САРАТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОЧИХ КАДРОВ (1941–1945 годы)

С.О. Козурман

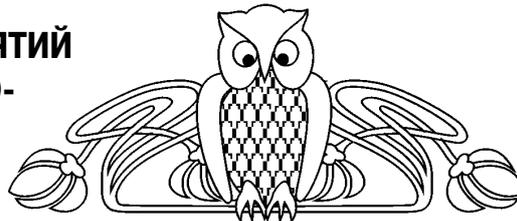
Саратовский государственный университет
E-mail: kozurman@front.ru

В статье освещаются важные экономические и социальные процессы в истории Саратовской области периода Великой Отечественной войны. Рассматриваются функционирование и роль многочисленных эвакуированных предприятий, их место в системе саратовской промышленности. Анализируются сложности повседневной жизни рабочих, деятельность власти по решению новых проблем военного времени. Отмечаются рост миграционной активности значительной части населения области и её причины.
Ключевые слова: эвакуация, промышленность, завод, рабоче, прокуратура, дезертирство.

Evacuation of the Industrial Enterprises to the Saratov Region and Socially-household Problems of Personnel (1941–1945)

S.O. Kozurman

Work covers the important economic and social processes in the history of the Saratov region of the period of the Great Patriotic War. Functioning and a role of the numerous evacuated enterprises, their

place in system of the Saratov industry is considered. Complexities of an everyday life of workers, power activity under the decision of new problems of a wartime are analyzed. Growth of migratory activity of a considerable part of the population of area and its reason is marked.

Key words: evacuation, industry, factory, workers, Office of Public Prosecutor, desertion

В годы Великой Отечественной войны Поволжье стало крупным центром размещения эвакуированного населения, хозяйственных объектов, ценностей культуры. Гигантское по своим масштабам перебазирование промышленных предприятий изменило экономический облик многих тыловых регионов СССР не только на период войны, но и на всё послевоенное время. Фактически, в первые часы после нападения Германии спасение материальных ресурсов и населения заняло важное место в действиях власти. Уже днём 22 июня Сталин в разговоре с Я.Е. Чадаевым отметил, что необходимо «... поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на Восток.

Ничего не должно достаться врагу»¹. Для этих целей в оперативном порядке 24 июня был создан Совет по эвакуации, а главным директивным документом явилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 июня «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Оно ясно говорило о том, что в первую очередь эвакуации подлежали важнейшие промышленные объекты, а также квалифицированные рабочие, инженеры и служащие этих предприятий². Таким образом, как бы изначально задавалось основное направление усилий советских руководителей различного ранга. Пристальное внимание было уделено тыловым регионам. Специальные работники Совета по эвакуации заранее брали на учёт все возможные здания и постройки (в том числе недостроенные и законсервированные), где можно было бы разместить эвакуированные предприятия³, т.е. действия центральной и местных властей во многом носили превентивный продуманный характер. Необходимо отметить, что среди промышленных предприятий первыми перевозили заводы, выпускавшие оборонную продукцию⁴.

Важная роль в эвакуационных процессах была отведена Саратовской области. При определении конкретного региона размещения того или иного объекта Советом по эвакуации учитывался ряд необходимых компонентов: наличие и близость предполагаемой сырьевой базы, однотипных или смежных производств, присутствие потенциальной рабочей силы, свободных помещений. Немаловажным фактором было удобство расположения и технические возможности транспортной сети⁵.

Заметим, что точное количество предприятий высчитать почти невозможно. Это обусловлено самой спецификой перебазирования. Эвакуируемое предприятие могло прибыть полностью, т.е. со всем оборудованием и рабочими. Завод в равной степени мог быть разделён на несколько частей и отправлен в разные места СССР. Могло прибыть только оборудование или его часть, наконец, от предприятия приезжали только рабочие, причём не в полном составе. При непосредственном размещении завод монтировался как на новых местах, так и на площадках уже имеющихся местных предприятий. Эвакуированные рабочие заводов порой сливались с местными коллективами. Всё это объективно затрудняет подсчёт количества эвакуированного имущества. Тем не менее можно отметить около 100 заводов, фабрик, ремонтных мастерских, эвакуированных в Саратовскую область. По имеющимся данным, более всего среди них было предприятий, относящихся к пищевой промышленности, а также авиационных и электротехнических заводов, значение которых для страны в целом было весьма велико. Большая часть эвакуированных объектов прибыла из Украинской ССР (примерно 30%) и Ленинграда (25%), значительное количество было эвакуировано из

Москвы и районов Белорусской ССР. Украинские и белорусские фабрики и заводы представляли в основном пищевую и лёгкую промышленность, тогда как из Москвы и Ленинграда прибывали машиностроительные, оборонные заводы или их части⁶.

Задачу выпуска качественной продукции в максимально короткие сроки затрудняли объективные факторы военного времени. Восстанавливать выпуск продукции приходилось в невиданно сжатые сроки, а между тем, по оценке специалистов того времени, для успешного восстановления производства требовалось около года и больше. Такие сроки были, конечно, неприемлемы, поэтому перед работниками различных отраслей встала крайне тяжёлая задача⁷. Выполнить планы, как правило, сильно превышенные и рассчитанные на работу в мирное время, было малореальным. В отчёте Саратовского обкома ВКП(б) в феврале 1943 г. признавалось, что в 1941 и начале 1942 г. «ряд предприятий области работали с перебоями и не выполняли производственных планов»⁸. Действительно, анализ прокурорских докладных записок по обследованию 11 крупнейших эвакуированных предприятий в Саратове (за второе полугодие 1941 г.) показывает, что только один завод (№ 307, из Ржева) перевыполнил план, остальные редко дотягивали до 50%⁹. В конце января 1942 г. об этом говорили на пленуме Саратовского обкома ВКП(б). Постоянная критика в адрес руководства заводов, городских властей иногда помогала. Например, резко увеличили и выполнили планы завод им. Урицкого в Энгельсе и швейная фабрика из Витебска «Знамя индустриализации»¹⁰. Но всё же медленный выпуск продукции нельзя объяснить только несознательной работой руководителей, их безответственностью и т.д. (тем более что это было не всегда так). В тех же докладных записках прокуратуры постоянно фигурируют одинаковые факторы. Мы их можем разделить на две группы. Первая относится к нехватке материала, оборудования, электроэнергии, вообще организационным трудностям восстановления. Вторая, не менее важная, группа проблем в той или иной степени непосредственно касается рабочих кадров. Имеет смысл более обстоятельно её рассмотреть.

Как правило, вместе с эвакуированными заводами на места прибывало 30–40 % рабочего коллектива от того, который ожидался. Так, по восьми предприятиям, перебазированным в Саратов, из ожидаемых 15 540 человек прибыли 4 660, или 30%. И хотя во многом это были высококвалифицированные кадры, их малое количество не могло обеспечить должную работу предприятия¹¹. В общем потоке эвакуированных процент собственно рабочих был не высок, значительную часть составляли их семьи¹². С целью ликвидации пустующих рабочих мест саратовские власти призывали активнее проводить в жизнь политику вовлечения на производство неработающих слоев населения, в особенности молодёжь и

домохозяйек¹³. Эта тактика срабатывала не всегда. Вместо нее часто вступала политика мобилизации. Неработающих граждан учитывали, и тех, кто не был занят делом по уважительной причине, отправляли на различного рода работы. Естественно, что работы эти не требовали какой-либо особой квалификации. Так, по заводу им. Урицкого Саратовский областной Совет дважды принимал решения (19 мая и 15 июня 1943 г.) о мобилизации граждан, общим числом в 530 человек¹⁴. Для подготовки же работников сложного производства в дело вступали ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, которых в апреле 1944 г. в области насчитывалось 56, а учащихся в них 15 579 человек¹⁵.

Массовое прибытие эвакуированного населения резко сократило объём жилищного фонда в тыловых районах страны. Бытовая скученность стала неотъемлемым элементом повседневной жизни горожан¹⁶. 13 сентября 1941 г. СНК СССР издал постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». Предполагалось возвести различные сооружения упрощенного типа, наподобие барачков, землянок и т.п. Рассчитано постановление было прежде всего на размещение рабочих и их семей¹⁷. Исполнительный комитет Саратовского областного Совета принял соответствующее постановление 4 октября 1941 г. В срочном порядке выявлялись ещё недостроенные здания, а с приближением холодов производилось утепление уже существующих¹⁸. Типичным приёмом являлось «уплотнение жилого фонда», т.е. подселение эвакуантов к городским жителям, а нередко и добровольно-принудительное временное выселение последних в сельскую местность. Не всем рабочим коллективам удалось обеспечить достойные жилищные условия. Нередко в документах отмечаются сильная скученность, холодные неотапливаемые помещения, антисанитарное состояние, грязь и завшивленность. Такая ситуация наблюдалась на заводе № 614 Наркомата вооружений, харьковском заводе «Серп и молот» и др.¹⁹ Труднее всего жилось, пожалуй, в общежитиях, которые обычно размещались в бараках без бытовых удобств²⁰. Вместе с тем нельзя назвать распространение плохих жилищных условий массовым явлением. Стабильно тяжёлое, но обеспечивающее существование положение было характерно для большинства жителей Советского Союза военного времени. Дополнительно отметим, что предприятия, наиболее важные в военно-экономическом отношении, в Саратовской области отличались достойными жилищными условиями. Например, на заводах № 572 из Ленинграда, Станкостроительном заводе и др. рабочие, служащие и их семьи были расселены по частным квартирам, несемейные рабочие размещались по общежитиям²¹.

Руководство Советского Союза стремилось разными путями решить проблему материально-го, прежде всего продовольственного, снабжения

рабочих и всячески стимулировало региональные власти. В Саратовской области с 1 сентября 1941 г. в крупных городах²² вводились продовольственные карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия, а с 23 октября карточки были введены в малых городах и рабочих посёлках²³. Устанавливались две категории по снабжению населения. В первую вошли рабочие, служащие, инженерно-технические работники важнейших отраслей промышленности, во вторую – все остальные, не попавшие в список перечисленных специальностей. Рабочие первой категории получали, как правило, 800 г хлеба в день, второй – 600 г²⁴. Вообще, «... чем важнее для обороны страны была работа, сложнее условия и характер труда, тем выше была норма продуктов»²⁵. По-разному ощущали горожане недостаток продовольствия, но «досыта не питался почти никто»²⁶.

С целью улучшения и упорядочения снабжения рабочих крупных предприятий в феврале 1942 г. были организованы отделы рабочего снабжения (орсы)²⁷. Они получали по государственным планам снабжения продовольственные товары и централизованно направляли их на конкретные предприятия. Также крупные эвакуированные предприятия прикреплялись к сельскохозяйственным районам области, к конкретным колхозам с целью децентрализованных заготовок овощей и мяса. Авиационный завод № 213, например, был прикреплен к Базарно-Карабулакскому и Баландинскому районам²⁸. Видимо, эта практика была успешной, поскольку в более поздний период, в 1943 г., мы встречаем несколько решений исполкома областного Совета о передаче ряда бесхозных, плохо обрабатываемых земель некоторых колхозов²⁹ тем колхозам, которые уже не первый месяц стабильно снабжали крупные предприятия и нуждались в ресурсных базах для увеличения поставок³⁰.

Наконец, позаботились власти о развитии сети индивидуальных огородов для рабочих и служащих. Местные государственные и партийные органы выявляли все пустующие земли в городах и вокруг них, которые могли быть использованы под огороды. В дело нередко шли парки, скверы и т.п. Оказывалась помощь в приобретении семян и мелкого инвентаря³¹.

Состояние столовых при заводах нередко оставляло желать лучшего. Отсутствие ложек, вилок, столов, стульев было в них весьма характерным явлением. Качество обедов порой тоже было не на высоте³². Как исключение отмечены даже случаи прямого воровства некоторых руководителей предприятий, в результате чего столовые заводов лишались продуктов питания, а рабочие оставались голодными³³. Но более всего раздражали рабочих многочисленные очереди в обеденные перерывы, чтобы нормально пообедать приходилось отстоять по 1,5–2 часа, как результат – опоздание на работу и простой производства³⁴.

В деле работы с эвакуированным населением необходимо отметить факт помощи специальных уполномоченных СНК союзных республик, откуда это население и было эвакуировано. Особенно стоит выделить уполномоченных Белорусской ССР. Они наиболее часто выезжали на предприятия в регионы с белорусским населением, изучали нужды трудящихся, оказывали им реальную помощь по обеспечению питанием, одеждой, розыску членов семей. В Саратовской области побывали 13 уполномоченных ЦК КП(б)Б и Белорусской ССР³⁵.

Таким образом, мы можем отметить, что государство старалось разными путями обеспечить рабочий класс хотя бы минимальными потребностями. Уровень жизни рабочих, в том числе эвакуированных, был невысок, что объясняется направлением всех материальных и духовных сил со стороны государства на трудовую мобилизацию, на работу через подвиг. Вопросы жизнеобеспечения уходили как бы на вторые роли, так как все силы тыла отдавались на отпор врагу.

С материально-бытовыми проблемами и не только с ними тесно связаны разнообразные проблемы движения рабочих кадров в Саратовской области в годы войны. Пребывание больших масс эвакуированного населения на протяжении 1941–1945 гг. вызывало специфические, присущие только этому слою населения социально-бытовые явления, которые, в свою очередь, непосредственно влияли на миграционное движение в городах и сёлах области.

Устойчивым явлением на эвакуированных предприятиях была реэвакуация кадров. Желание по разным причинам вернуться домой охватывало весьма широкие слои рабочих. Обратные отъезды фактически имели место уже в 1941 г. и дальше только усиливались. Реэвакуацию можно разделить на законную, т.е. санкционированную государством, и самовольную, которая, естественно, не одобрялась. Для того чтобы выехать за пределы области, нужно было получить специальный пропуск от органов милиции. Особой категорией в соответствующей инструкции были эвакуированные. Им разрешалось возвращаться на места прежнего жительства лишь при наличии специального разрешения³⁶. Большие реэвакуационные потоки наблюдались тогда, когда проводились специальные акции по возвращению населения. Например, 22 ноября 1943 г. ГКО постановил вернуть на железнодорожный транспорт всех эвакуированных железнодорожников. Соответствующее решение принял исполком Саратовского облсовета 2 декабря 1943 г. Согласно ему руководители заводов и фабрик освобождали от работ всех ранее эвакуированных железнодорожников и передавали их в распоряжение управления Рязано-Уральской железной дороги³⁷. В том же 1943 г. руководителей саратовских предприятий обязали отпустить всех рабочих, ранее трудившихся в Сталинградской области на заводе № 264 и Ста-

линградском тракторном заводе, эвакуированных в августе–декабре 1942 г., причём на лиц, ранее самовольно вернувшихся на СТЗ и завод № 264, прекращались возбужденные дела³⁸.

В остальное время власти стремились закрепить новые кадры на местах и прекратить постоянные отъезды рабочих. В миграционном отношении особенно проявили себя москвичи. Так, за первое полугодие 1942 г. прибыло из Москвы 5 699 человек, а выбыло 3 732³⁹, во втором полугодии прибыло 1 150, выбыло – 5 996⁴⁰. В то же время из прибывших ленинградцев (5 097 человек) в 1942 г. выбыло только 103 человека⁴¹. Известно, что ещё 20 сентября 1941 г. Московский горсовет издал специальное постановление о запрещении въезда в Москву лицам, эвакуированным из неё и стремящимся вернуться из мест эвакуации⁴². Видимо, до конца это постановление не выполнялось, так как рабочим из Саратова разрешали отъезд в Москву по срочным обстоятельствам, однако подчёркивалось, что возвращаться они должны без семьи⁴³. Позднее, в сентябре 1942 г., были подвергнуты осуждению эвакуированные работники-коммунисты 3-го Подшипникового завода, отправившие свои семьи из Саратова⁴⁴. Очевидно, что обком и силовые структуры стремились всячески удерживать новых рабочих в области, особенно квалифицированных.

Неотъемлемым элементом миграций периода войны были миграции в форме ухода с предприятий. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие военной промышленности и смежных с ней отраслей на время войны прикреплялись к заводу, а уход с него карался 5–8 годами лишения свободы⁴⁵. Дезертирство не прекращалось на протяжении всей войны. Главным фактором, побуждавшим рабочих к фактическому побегу, являлись невыносимые материально-бытовые условия жизни. С фабрики им. Самойловой за период января–августа 1943 г. сбежали 113 человек, в подавляющем большинстве – эвакуированные. Причиной было плохое питание, отмечались случаи опухания от голода⁴⁶. На авиационном заводе № 213 только за один день, 23 января 1942 г., из общежитий сбежали 16 человек, молодых рабочих. Причина: грязные неотопливаемые помещения, отсутствие минимальных удобств⁴⁷.

Партийное руководство всячески осуждало дезертиров, создавало отрицательное общественное мнение о них, устраивало массовые обсуждения и коллективное порицание провинившихся. Силовые структуры рьяно преследовали беглецов, организовывали на крупнейших производствах открытые процессы. Одним словом, репрессивные меры преобладали. Вместе с тем многие работники на местах ясно осознавали, что одними карательными акциями мало чего можно добиться, что проблема требует иного решения.

Не случайно на заседании бюро обкома ВКП(б) 12 марта 1942 г. в адрес некоторых хозяйственников было сделано характерное замечание: «... отдельные руководители предприятий данный Указ поняли односторонне, считая, что судебное воздействие является как будто бы единственной мерой борьбы с дезертирством, не развернули большевистской борьбы по политическому воспитанию и созданию культурно-бытовых условий рабочим и служащим своих предприятий...»⁴⁸. Схожие замечания выдвигала саратовская прокуратура, говоря о необоснованных преданиях суду рабочих, о нежелании разобраться в причинах дезертирства, об отсутствии помощи в решении бытовых проблем рабочих и т.д.⁴⁹

Так называемая массово-политическая работа среди эвакуированных трудящихся частично действительно приносила результаты. В частности, среди коммунистов завода им. Урицкого удалось ликвидировать опоздания, прогулы и побеги в феврале 1942 г. по сравнению с октябрём 1941 г.⁵⁰ На эвакуированных предприятиях Фрунзенского района удалось сократить число прогульщиков и дезертиров в августе по сравнению с июнем 1944 г.⁵¹ Однако всеобщей панацеей пропагандистская тактика не стала.

Резкий рост дезертирства наблюдался в период освобождения ряда территорий Советского Союза от врага. В распоряжении заместителя наркома внутренних дел Круглова ясно сказано, что рабочие отправляются «в районы, освобождённые от немецких оккупантов, к месту прежнего жительства»⁵². Какое-то определённое число дезертиров на предприятиях эвакуированной промышленности присутствовало всегда. Этот показатель мог составлять от 3 до 10 человек в месяц, что говорит о некоем устойчивом слое дезертиров. Рабочие уходили и с тех предприятий, где с уровнем жизни дела обстояли неплохо, т.е. не было экономического повода для дезертирства. Учитывая, что большинство дезертиров – это молодые люди в возрасте до 25 лет, мы склонны предположить, что речь может идти о психологическом надломе человека. Не выдерживая повседневных военных будней, эти люди отправлялись в поисках лучшей доли в иные места, без конкретных ориентиров на будущее. Ликвидировать такие настроения было практически невозможно, пока существовал сам феномен военной повседневности.

Пребывание эвакуированных рабочих и промышленных объектов на территории Саратовской области привнесло целый ряд неизвестных ранее процессов, фактов, достижений и проблем. Многочисленные предприятия существенно изменили хозяйственный облик области, заставили по-другому работать социально-экономические структуры. Прибытие новых граждан вызвало крупные процессы миграции населения, внесло новое в повседневную жизнь городов области, поставило перед саратовскими властями целый ряд важных вопросов. Эвакуированные предприятия

и эвакуированные рабочие кадры способствовали значительному вкладу Саратовской области в дело Великой Победы.

Примечания

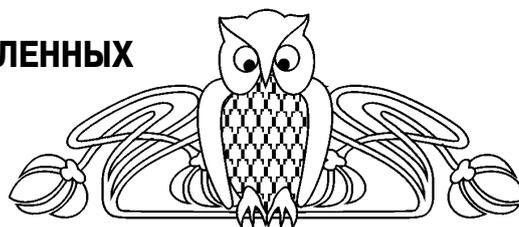
- 1 Ответы управляющего делами Совнаркома СССР 1940–1950 гг. доктора экономических наук Я.Е. Чадаева на вопросы профессора Г.А. Куманева. 20 мая 1982 г. // Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 482.
- 2 См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201–202, 208.
- 3 См.: *Первухин М.Г.* Перебазирование промышленности // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг народа. М., 1974. Кн. 2. С. 17.
- 4 См.: *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976. С. 92.
- 5 Через Саратовскую область проходило 911 км Рязано-Уральской и 346 км Пензенской железной дороги. Огромно также значение Волги, как важного речного пути. См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2329. Л. 95 об.
- 6 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2307. Л. 244–245; Д. 2315. Л. 111–112; Д. 2357. 140, 143, 144–145; Д. 2895. Л. 1–3, 63–67.
- 7 См.: Беседа профессора Г.А. Куманева с наркомом боеприпасов военных лет, генерал-майором инженерно-артиллерийской службы П.Н. Горемыкиным. 15 января 1976 г. // Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы... С. 257.
- 8 История Саратовского края. 1917–1965. Саратов, 1967. С. 274.
- 9 ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. Л. 1–20, 39–49, 62, 66, 68–72.
- 10 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2672. Л. 12–13.
- 11 См.: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1960. С. 328; *Быкова В.А.* Трудовой подвиг молодых волжан в годы Великой Отечественной войны (по материалам машиностроительных предприятий Поволжья) // Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы истории тыла. Самара, 1993. С. 55.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2349. Л. 123–125.
- 13 См.: Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы, 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 69; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2672. Л. 13 об.
- 14 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 216. Л. 41; Д. 224. Л. 22, 263.
- 15 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2384. Л. 5.
- 16 См.: *Лихоманов М.И.* Размещение и использование эвакуированного населения в восточных районах // Советский тыл в Великую Отечественную... С. 188.
- 17 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 50–52.
- 18 ГАСО. Ф. Р-1738. Д. 184. Оп. 1. Л. 177–178.
- 19 ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. Л. 5, 8.
- 20 См.: Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973). М., 1975. С. 400.

- ²¹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. 13–15.
- ²² Города: Саратов, Балашов, Вольск, Аткарск, Петровск, Ртищево.
- ²³ Города: Хвалынский, Балаково, Новоузенск, Бальцер (Красноармейск). Рабочие посёлки: Аркадак, Горный, Красный текстильщик, Баланда, Ершов.
- ²⁴ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 22–24, 39–41.
- ²⁵ Советский рабочий класс... С. 397.
- ²⁶ Там же. С. 398.
- ²⁷ См.: Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л., 1985. С. 43; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 522.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2484. Л. 14.
- ²⁹ Как правило, это были колхозы бывшей Немецкой республики, заселённые эвакуированными горожанами, из-за безграмотных и непродуманных действий руководства страны и области, не «блиставшие» трудовыми подвигами.
- ³⁰ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 219. Л. 66; Д. 222. Л. 63–64.
- ³¹ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной... С. 76–77.
- ³² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2313. Л. 165–166.
- ³³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2886. Л. 26–30.
- ³⁴ Там же. Д. 2678. Л. 45, 66.
- ³⁵ См.: Олехнович Г.И. Помощь белорусского народа сражающейся Родине // Советский тыл в Великую Отечественную... С. 348; Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 217.
- ³⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 1. Л. 84.
- ³⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 161.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 1. Л. 239.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 9а. Д. 29. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Л. 1, 20.
- ⁴² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 188–189.
- ⁴³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2678. Л. 100–101.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2752. Л. 85.
- ⁴⁵ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 78–79.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 6. Л. 43.
- ⁴⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3371. Л. 12–14.
- ⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2679. Л. 8–9.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 232.
- ⁵⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2305. Л. 91–94; Д. 2373. Л. 73–75.
- ⁵¹ Там же. Д. 3807. Л. 132 об.
- ⁵² ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 28.

УДК 355.257.72:94(571.1)

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД СССР И ЕГО РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Н.М. Маркдорф

Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета
E-mail: nmmark@mail.ru

Антифашистское движение оказало значительное влияние на производительность труда военнопленных в Западной Сибири в послевоенные годы. Администрация лагерей возлагала большие надежды на антифашистские комитеты по формированию в среде военнопленных навыков высокопроизводительного труда и роста его эффективности; снижение производственного травматизма, заболеваемости и смертности; разоблачение саботажников, вредителей, подстрекателей, участников подпольных формирований и групп. «Воспитание» новых сторонников социалистического строя происходило с большим трудом и зачастую наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а иногда открытую конфронтацию и рваншистские настроения контингента лагерей. Тем не менее, с помощью антифашистских комитетов в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось существенно сократить количество диверсий и саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима и организацию трудового использования военнопленных в Западно-Сибирском регионе.

Ключевые слова: антифашисты, организация труда, Западная Сибирь, военнопленные, социалистическое соревнование, производительность труда, Политотдел.

Anti-Fascist Movement of Prisoners of War in the West Siberian Camps of the NKVD-MVD USSR and its Role in Organizing the Labor Process

N.M. Markdorf

Anti-fascist movement had a significant impact on the productivity of prisoners in Western Siberia in the postwar years. Camp Administration placed great hopes on the anti-fascist committees to build skills in an environment of war high labor and the growth of its efficiency, reduction of occupational injuries, illnesses and deaths; expose the saboteurs, wreckers, instigators, participants in the underground formations and groups. «Educating» new supporters of the socialist system took place with great difficulty and often hindered by a lack of understanding, active resistance, and sometimes open confrontation and revenge mood contingent camps. Nevertheless, it, with the help of anti-fascist committees in the camps, spetsgospitalyah, labor battalions managed to significantly reduce the